

11. Хайдеггер М. О тайне башни со звоном / Хайдеггер М. Исток художественного творения. Избр. работы разных лет. – М.: Академический проект, 2008. – С. 416–418.
12. Хайдеггер М. Неторные тропы / Хайдеггер М. Исток художественного творения. Избр. работы разных лет. – М.: Академический проект, 2008. – С. 395.
13. Хайдеггер М. Проселок / Хайдеггер М. Исток художественного творения. Избр. работы разных лет. – М.: Академический проект, 2008. – С. 391–394.
14. Хайдеггер М. Отрешенность / Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 102–111.
15. Хайдеггер М. Вещь / Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 316–326.
16. Хайдеггер М. Что значит мыслить? / Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 134–145.
17. Найман Е.А. Эстетизм хайдеггеровской онтологии // Вестник Томского государственного университета. – 2003. – № 277. – С. 73–77.
18. Инишев И.Н. Понятие мира в трансцендентальной и герменевтической феноменологии (соотношение мира и вещи в феноменологических концепциях Гуссерля и Хайдеггера) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – Вып. 11 (74). – С. 5–11.
19. Шаповалова Т.А. М.К. Мамардашвили: философия как топология // Современные проблемы и достижения аграрной науки в животноводстве, растениеводстве и экономике: Сб. трудов. регион. научно-практич. конф. – Томск, 2010. – Вып. 12. – С. 355–357.
20. Шаповалова Т.А. Культура как утопический проект (философско-культурологический аспект) // Вестник Томского государственного университета. – 2003. – № 277. – С. 90–92.

Поступила 12.10.2011 г.

УДК 130.02

ПЛАТОН И ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ: МИФОЛОГИЯ И СИМВОЛИЗМ

С.Г. Сычева

Томский политехнический университет
E-mail: svetsych@mail.ru

На примере творчества Платона и Вячеслава Ивановича Иванова решается проблема взаимодействия двух культурных эпох: классической античной Греции и модерна Серебряного века в России. Сделан вывод о том, что влияние Платона на Вячеслава Ивановича Иванова не ограничивалось философией и эстетикой, но и распространялось на его образ жизни и мировоззрение.

Ключевые слова:

Платон, Вячеслав Иванович Иванов, символизм, мифология, эстетика.

Key words:

Plato, Vyacheslav Ivanovich Ivanov, symbolism, mythology, aesthetics.

В истории культуры существует постоянное обращение к прошлому. Это превращает ткань культурного наследия в сложное, живое, подвижное целое. Исследование такого погружения в древность позволяет лучше понять настоящее, ответить на вопросы о сущности современной культуры, о корнях нашей цивилизации и, возможно, о нашем будущем. В данной статье проведено исследование влияния текстов Платона на творчество Вячеслава Ивановича Иванова, на его эстетическую концепцию, с целью изучить фрагмент интеллектуальной взаимосвязи тысячелетий.

Мифология и символизм развивались параллельно в течение тысячелетий. Мифология – это культурный пласт, имеющий архаическую природу, но существующий и в наше время. Мышление человека то превозносило мифологию до небес, то опускало ее в область тартара. Эти процессы можно назвать «ремифологизацией» и «демифологизацией» [1]. С господством разума наступает демифологизация, например, в эпоху Просвещения; с торжеством иррационального начала – ремифологизация, например, в романтизме XIX в.

Одна из отличительных черт русского символизма конца XIX – начала XX вв. – мифотворчество. И главными персонажами этого процесса были Вячеслав Иванович Иванов и Андрей Белый. Мы остановимся на идеях В.И. Иванова.

Как связаны мифотворчество и символизм? Символ – это элемент структуры мифа. В.И. Иванов писал, что миф выступает «развернутым» символом, что это – символ в действии. Миф покоится на собственных символах, вырастает из них. Одним из основных символов мифотворчества В.И. Иванова является Дионис – мифологический персонаж, символизирующий тризну и воскрешение природных стихий. Новизна, привнесенная В.И. Ивановым в эту мифологию, заключается в том, что он увидел общее между мифом о страстной природе Диониса, разрываемого титанами, и гибелью Христа за грехи человечества. И там, и там происходит уничтожение, за которым следует возрождение.

Известно, что В.И. Иванов испытал сильное влияние Платона в своей эстетической теории. Так, например, созданную им идею восхождения

и нисхождения поэта в творческом процессе можно сопоставить с идеей Платона в «Государстве», где речь идет о «символе пещеры».

Согласно Платону, мы, люди, находимся в «пещере», скованные цепями так, что совершенно бездвижны. Мы не можем даже повернуть голову и посмотреть в проход, откуда светит солнце. Мы можем смотреть только вперед, на стену, где проносятся «тени» вещей. Самих вещей мы не видим. И только малое число из нас, достойнейшие, философы, способны духовным взором вырваться из пещеры и созерцать божественные идеи, идею блага, или красоты, например. Однако мысль философа должна вернуться назад, в пещеру, чтобы рассказать о том, что он увидел, другим людям.

Безусловно, эти идеи повлияли на В.И. Иванова. Однако он их не повторяет, а продолжает. Для русского поэта существуют три стадии творчества: восхождение, нисхождение и погружение в хаос. В.И. Иванов пишет: «Что познание – воспоминание, как учит Платон, оправдывается на поэте, поскольку он, будучи органом народного самосознания, есть вместе с тем и тем самым – орган народного воспоминания. Через него народ вспоминает свою древнюю душу [2. С. 713].

Здесь В. И. Иванов привлекает мысль Платона о том, что в сознании человека изначально, при рождении заложены определенные идеи – истины, красоты, блага и т. д. Нам остается только «припомнить» их. Чтобы это произошло, поэт, как учитель народа, должен совершить «восхождение».

Духовное восхождение, конечно, радостно, благоговейно, трепетно. Но это – с одной стороны. С другой стороны, оно трагично и жертвенно. Человек совершает акт самоотречения, отказа от своей сущности, своих корней. И в этом действии В.И. Иванов видит трагическое начало. Восходящий обособляется от народа, принося себя в жертву «за грехи всего мира» [3. С. 824].

Здесь русский поэт видит сходство с дионисийской трагедией, когда один герой выделяется из праздничной толпы, противопоставляя себя – ей и, тем самым, обрекая себя на гибель. Итак, восхождение трагично.

Но было бы неверно думать, что процесс создания красоты на этом заканчивается. Следующий необходимый этап творчества – «нисхождение». Оно *обязательно* для искусства. Так же, как согласно Платону, душа философа, созерцавшего идеи, *обязательно* возвращается в пещеру, чтобы рассказать людям, что она созерцала в мире идей.

Творчество красоты дополняется нисхождением: «Прекрасен нагнувшийся венчиком к земле цветок, и Нарцисс прекрасен над зеркалом влаги... Нисхождение – символ дара <...> Восхождение – разрыв и разлука; нисхождение – возврат и благовестие победы» [3. С. 826]. Если восхождение – горделиво, то нисхождение смиренно – это дар добра.

Но чтобы творческий акт свершился полностью, необходим третий шаг: погружение в хаос.

Не всякое нисхождение ласкает и дарит. Хтоническое, подземное – вот обитель души поэта, желающего создать грандиозную трагедию. В.И. Иванов пишет: «Это царство не золотосолнечных и алмазно-белых подъемов в лазурь и не розовых и изумрудных возвратов к земле, но темного пурпура преисподней» [3. С. 829].

Итак, восхождение сверхлично, нисхождение вневлично, погружение в хаос – безлично. Здесь разрушаются все системы, структуры и формы, здесь господствует «мужеженский Дионис» [3. С. 829], соединяя мужественную природу восхождения (Аполлона) и женственную сущность нисхождения (Афродиту) любовными узами хаоса.

Скорее всего, у Платона не было представления об этой третьей ступени творчества (по крайней мере, в «Государстве»). За идеей «хаоса» В.И. Иванов проглядывает лик «Распятого Диониса» – Фридриха Ницше. Поэт пишет, что область хтонического – это мир «по ту сторону добра и зла» [3. С. 829], та органичная субстанция, из которой рождается искусство.

Думается, что в текстах Платона нет идеи хаоса не случайно: им не свойствен дионисизм, символом которого является трагическая музыка. Все это чуждо Сократу. Но если бы божественные голоса призывали его заняться музыкой чуть раньше, возможно, ему не пришлось бы выпить чашу с цикутой, полагает В.И. Иванов.

Вышеизложенные идеи на природу символического творчества получают у Иванова дальнейшее развитие в статье «О границах искусства» [4]. Поэт предлагает схему творческого процесса, в котором сменяются дионисийское волнение, интуитивное созерцание, катарсис («восхождение») и, опять же, дионисийское волнение, аполлонийское сновидение, художественное воплощение («нисхождение») [4. С. 631]. В этом представлении о природе творчества видно влияние не только Платона, но и Ф. Ницше, его ранней книги «Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм» [5].

В статье «К истолкованию заметок Вячеслава Иванова на полях диалога Платона «Федр» С.Д. Титаренко [6. С. 403–404] отмечает, что в период 1900–1910 гг. В.И. Иванов активно цитирует в своем творчестве Платона, в том числе диалог «Федр» [7]. Влияние Платона, как указывает С.Д. Титаренко, видно во многих статьях В.И. Иванова этого периода, и даже позднее – в книге «Дионис и прадионисийство» [8].

Возвращаясь к Платону, поставим вопрос: был ли он в своем творчестве символистом *sui generis*, мыслителем «*a realibus ad realiora*» [4. С. 638] (от реального к реальному – С.С.)?

Мы думаем, что, безусловно, в текстах древнегреческого философа содержатся богатая символика и мощный энергетизм, что позволяет им оказывать колоссальное воздействие на мыслителей на протяжении тысячелетий. Иначе недавние наши современники не обращались бы к его идеям, как эстетически, так и метафизически. И здесь нам

хотелось бы привлечь тексты последнего русского символиста XX в., ученика В.И. Иванова, — А.Ф. Лосева.

Мы проведем анализ двух источников, в которых он высказывается о символизме Платона: «Очерки античного символизма и мифологии» (написан в 1928 г.) и «История античной эстетики» (написан в 1969 г.).

Что касается раннего произведения [9], то оно, мягко говоря, удивляет. Надо сказать, что здесь трактовка А.Ф. Лосевым Платона выглядит не просто необычно, откровенно и вызывающе, — она неприкрыта и бесстыдна. Но она не лишена истины — просто русский философ показывает, в чем состоит, на его взгляд, сущность мифологии Платона. Это, как показывает А.Ф. Лосев, «идея», а «идея» — как не парадоксально, это обнаженное тело прелестного мальчика, соблазняемое риторическими и философскими изысками мудреца. Такого Платона мы еще не видели [9. С. 652–653; 673–684]. В целом получается, что Платон — символист и мифолог, но не столько потому, что использует в своих текстах глубокие художественные образы или народные мифы, а потому, что создал учение об идеях — грандиозный миф, центральным символом которого является каменное изваяние обнаженного тела.

В позднем своем произведении А.Ф. Лосев более сдержан, и его позиция выглядит следующим образом.

Вновь признается, что Платон — символист. Синонимами слова «символ» в его текстах выступают «природа», «идея», «образ» и др. [10. С. 549]. А.Ф. Лосев обращает внимание, что главный смысл слова «символ» у Платона — это диалектика сущности и явления, внутреннего и внешнего, бытия и небытия.

И вот здесь начинается самое интересное. А.Ф. Лосев указывает, что Платон использует слово «*symbolon*» для обозначения слишком общих пред-

метов, поэтому его нельзя отнести к разряду основных философских категорий Платона. То он говорит, что это — совпадение двух половинок, двух людей в любви, то — что это деньги как символ обмена, необходимый для торговли (символ здесь понимается как соединение или знак в бытовом смысле) и т. д.

Русский философ делает вывод: «Платон был *весьма далек от философского и уж тем более чисто логического осознания своего собственного символизма*» [10. 549].

Платонизм как мифология, как художественное произведение — грандиозен и велик. Но он полностью «дореклексивен» [10. С. 550].

Нетрудно заметить, что рассуждения о символизме Платона в ранней и поздней книге А.Ф. Лосева отличаются не только объемом, но и, мы бы сказали, «степенью открытости». Не удивительно, что книгу, впервые изданную в 1930 г., переиздали только в 1993 г. И это не тот А.Ф. Лосев, к которому мы привыкли.

Пришло время связать идеи Платона и В.И. Иванова. Для В.И. Иванова символ — окно, распахнутое в иной мир, цель бытия, к которой ведет путь творчества. Всю историю культуры он рассматривает как историю символизма. И одним из выдающихся гениев этого движения он называет Платона. Сам Платон, по крайней мере, в интерпретации А.Ф. Лосева, символистом был не по содержанию используемых им мифов, а по форме мировоззрения и мироощущения. Надо сказать, что тот образ жизни, который вел В.И. Иванов в своем доме, называемом «Башней», и что происходило вокруг него, по степени откровенности отнюдь не уступало тем удовольствиям, которые позволяли себе древнегреческие мудрецы. Скульптурное изваяние обнаженного человеческого тела стало главным символом творцов, разделенных пропастью тысячелетий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Раздьяконова Е.В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Томск, 2009. — 23 с.
2. Иванов В.И. Поэт и чернь // Иванов В.И. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. — Брюссель: Fouer oriental Chretien, 1971. — С. 709–714.
3. Иванов В.И. Символика эстетических начал // Иванов В.И. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. — Брюссель: Fouer oriental Chretien, 1971. — С. 823–830.
4. Иванов В.И. О границах искусства // Иванов В.И. Собр. соч. в 6 т. Т. 2. — Брюссель: Fouer oriental Chretien, 1974. — С. 627–651.
5. Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм // Ницше Ф. Соч. в 2 т. — Т. 1. — М.: Мысль, 1996. — С. 47–57.
6. Титаренко С.Д. К истолкованию заметок Вячеслава Иванова на полях диалога Платона «Федр» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / Отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2010. — 840 с.
7. Платон. Федр // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1993. — С. 135–191.
8. Иванов В.И. Дионис и прадионисийство. — Баку: 2-я Гос. типогр., 1923. — 304 с.
9. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. — М.: Мысль, 1993. — 959 с.
10. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. — М.: Ладомир, 1994. — 716 с.

Поступила 22.09.2011 г.